Река нашей жизни

О переломных днях второй мировой войны...

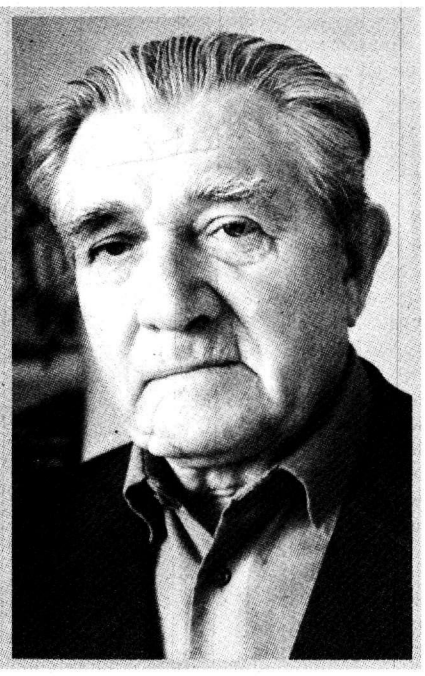
Владимир БАКАНОВ

Судьба Владимира Петровича Баканова и его близких распорядилась так, что корни их завязались на берегах реки Урал – главной водной артерии нашего края. Именно поэтому некогда чистоструйная река стала рекой их жизни.

В. П. Баканов родился в Оренбурге, жена его, Лидия Георгиевна, – в Верхнеуральске, а трое детей – Александр, Петр и Наталья – в Магнитогорске. Теперь здесь родились и растут два правнука – Роман и Игорь...

Эпиграфом своей книги воспоминаний В. П. Баканов избрал примечательные слова: «Кто родился на Оренбургской линии, кто в святой купели водами Урала смыл свой первородный грех, кто с самого детства светлыми струями этого «Иордана» утолил свою жажду и освежил усталые члены, для того приуральская сторона будет всегда, во всю жизнь – страною благословенною, будет той святынею, о которой со слезами тяжкой грусти вспоминали израильтяне на реках Вавилонских».

Сегодня мы публикуем фрагмент из книги, относящийся к Великой Отечественной войне.



Под Москвой

В начале февраля 1944 года с платформами, груженными нашими самоходками, вперемешку с теплушками, потянулись в сторону Москвы. Не довезя до столицы, нас выгрузили и разместили в лесу, в дачных домах. Оказалось, что мы должны еще на практике освоить матчасть, провести стрельбы с закрытых и открытых позиций, узнать некоторые тактические элементы, отличные от танковых. Мы теперь не танкисты, а самоходная артиллерия.

Стояли сильнейшие морозы. Снегу было столько, что на лыжах не пройти. Рядом с тропами он доходил до двух метров. Здесь нас продержали больше недели, как и в Горьком, на полуголодном пайке. В конце марта раскисшими дорогами под ярким солнцем самоходки своим ходом пошли в Москву для погрузки в эшелоны – теперь уже на фронт.

Где-то на окраине возле Белорусского вокзала выстроились 26 машин двух дивизионов. Они стояли по обеим сторонам дороги или улицы, оставляя только узкий проход. По нему едва могла пройти самоходка, и то с большой осторожностью. Солнце припекало по-весеннему жарко. Экипажи топтались возле машин: кто брился, кто закусывал, поедая нехитрую снедь из сухого пайка, другие стояли кучками и просто разговаривали.

Возле нашей самоходки, через дорогу, два члена экипажа ели на крыле машины рыбу из консервной банки. В руках – по ломтю хлеба. Вдруг сзади, с конца улицы, мчится самоходка и сбивает этих обедающих солдат. Одного придавливает насмерть, а другому сминает таз и ноги. Больше того, она притормаживает на нем. Когда по чьей-то команде сдала назад, то пострадавший, видно в шоке, пополз на руках и потянулся за куском хлеба, выпавшим у него из рук при падении. За раненым тянулся густой кровавый след. Эта картина до сих пор стоит перед моими глазами.

Подбежали дивизионные санитары, быстро погрузили на носилки раненого и куда-то унесли. Другие подобрали погибшего. Из злополучной самоходки вытащили пьяного лейтенанта – командира машины из соседнего дивизиона. Всех нас, свидетелей происшествия, охватили горечь, обида, глубокая грусть: не добравшись до фронта и не нюхнув пороха, мы уже начали нести потери, бессмысленные, безрассудные.

Потом, уже в пути на фронт, тоже была не боевая потеря от взрыва противопехотной мины.

Дорога на фронт

Наш эшелон тянули сменные паровозы по дороге на Витебск чрез разрушенный Ржев и еще дымящиеся Великие Луки. Ржев мы проехали вплотную, а Великие Луки оставались правее, километрах в трех. Поезд остановился перед стрелками полустанка, который представлял собой землянку, врытую в крутой склон высокого холма. Дорога однопутная. В наступившей тишине то тут, то там слышались взрывы. Бывалые солдаты сказали, что это рвутся противопехотные мины под тающим снегом. Вдруг раздался взрыв, как мне показалось, под нашей платформой. Мы экипажем сидели возле своей машины и изучали пушечный затвор, вырабатывали навыки его быстрой разборки и сборки.

Вслед за взрывом послышались стон и крик: «Санитара сюда!» Мы соскочили с платформы и подбежали к раненому. Ему напрочь оторвало левую ногу до самого колена. Из другой ноги тоже текла кровь. Санитары торопливо накладывали на них жгуты и делали перевязку. На хорошо утоптанной тропе и под шпалами была небольшая воронка диаметром с полметра. Раненый офицер – капитан, командир соседнего дивизиона, повторял, как в бреду: «Я ничего не делал, только спрыгнул с платформы. Только спрыгнул!..»

Вырисовывалась такая картина: на тропе, по которой сотни раз проходил обходчик, под слоем земли и снега лежала мина. Что-то случилось со взрывателем, и он на спокойную ходьбу и вес человека не срабатывал. Стоило на это место прыгнуть человеку, чем увеличить вес и давление на мину… Опять стало горько и обидно: «За что пострадал человек, даже не доехав до фронта?»

До Витебска нас не довезли и разгрузили в нескольких километрах от Невеля на деревянной платформе. Представитель 11-й Гвардейской армии повел нас по болотистой, местами уложенной фашинами дороге. Шли своим ходом осторожно, с остановками и прощупыванием настилов. Как-то неожиданно оказались на просторной поляне среди соснового бора. Высоко над головами раскидистые ветви с зеленой хвоей на гладких бронзовых стволах. Сосны казались мытыми и загоревшими под солнцем. Мы поставили машины, замаскировали, а для себя вырыли землянки, укрепили стены и крыши деревянными плахами.

Здесь я впервые увидел, как растет настоящая клюква: на длинной-предлинной плети, которая, как тонкая змейка, шевелилась током ручейка. По всему стеблю между листьями краснели бусинки ягод. Как-то, набрав полкотелка клюквы, я высыпал ее в банку, размешал с сахаром из доппайка, размечтался насладиться чудо-вареньем за чаепитием. От моего сахара в варенье не осталось и признака. Пришлось обратиться к товарищам. Первым откликнулся Михаил Иванов, за ним – Бабин. Их месячные нормы сахара, как и моя, растворились в клюкве. Только после этого она стала пригодной к чаю.

Фронт

Уже с полмесяца, как мы стоим в сосновом бору, ничего не видя, кроме сосен и чистого голубого неба над поляной. Считаемся на фронте, а фронт лишь иногда слышим по отголоскам взрывов редких снарядов и бомб. Как-то раз голубой клочок нашего неба, до того безоблачный, стал покрываться воздушными волнами, катящимися с запада на восток. Потом послышался гул множества самолетов – шла армада фашистских бомбардировщиков, истребителей и штурмовиков. Оказывается, это они своей громадой толкали перед собой воздух, сворачивающийся в волны.

Мы не сидели без дела. Каждый наш день был наполнен занятиями по боевой и политической подготовке. Много внимания уделялось тактике и теории ведения артиллерийского огня. Один раз приказали вывести машины на старую линию обороны немцев, взятую еще зимой. Посадили в окопы солдат-новичков, а нас заставили «утюжить» их. Не заваливать в окопе, а проходить над их головами. Это называлось «танковой обкаткой молодых воинов-пехотинцев». Так приучали их не бояться танков, идущих на траншеи.

Откуда было знать нам, салагам, рядовым «винтикам», не охваченным еще «ржавчиной» войны, что армия, в которую мы попали, выведена всем составом с фронта, то есть с передовой, и укрыта в лесах под Невелем. Хотя и мы чувствовали, что готовится большая кампания на лето, но пояснения нам никто не давал. Только успокаивали: «Ждите, занимайтесь, отдыхайте! Ваше от вас не уйдет!» Что было тогда, прояснила книга командующего 11-й Гвардейской армией генерала Кузьмы Никитича Галицкого «Годы суровых испытаний 1941–1944 годов»:

«10 апреля 1944 года был получен приказ командующего фронтом, согласно которому нам надлежало сдать свою полосу обороны войскам 43-й армии и сосредоточиться в лесах в районе Невеля. 11-я Гвардейская выводилась в резерв Ставки Верховного Главнокомандования. Практически это означало, что мы будем усиленно готовиться к новым наступательным операциям и получим значительное пополнение. Так мною и был понят упомянутый приказ. Действительно, сразу же после его получения начало прибывать пополнение – по три тысячи человек в день. Это были бойцы, прошедшие трех–четырехмесячное обучение в запасных полках и бригадах, хорошо одетые, подтянутые, настроенные по-боевому. Всего в течение нескольких дней армия получила 20 тысяч человек. Благодаря этому мы смогли довести численность каждой дивизии до 7200–7300 солдат и офицеров. Особенно радовало прибытие 120 самоходно-артиллерийских установок «СУ-76», которые тогда в массовом количестве начали поступать в войска. Кроме того, армия получила около девяти тысяч автоматов, 6,5 тысячи винтовок, 42 полковые пушки и 167 противотанковых орудий образца 1943 года.

Весьма внушительно выглядело теперь вооружение дивизий. Каждая из них имела дивизион самоходно-артиллерийских установок в составе 13 «СУ-76», 48 орудий 122 и 76 миллиметрового калибра, около 2000 автоматов, более 350 ручных пулеметов, 18 зенитных пулеметов крупного калибра, 3,5–4 тысячи винтовок. Девять таких дивизий, входивших тогда в состав армии, представляли большую силу, способную нанести мощные удары по врагу.

Особенно большую помощь наступающим частям могли оказать новые самоходно-артиллерийские установки, являющиеся весьма эффективным боевым средством. Основательная лобовая броня и мощное вооружение позволяли им подходить на близкое расстояние к укреплениям врага, быстро уничтожать его огневые точки. А так как и применение СУ-76 было для войск армии делом новым, то требовалось уделять большое внимание совместным учениям стрелковых частей и самоходно-артиллерийских дивизионов.

Занятия с бойцами, сержантами и старшинами с каждой категорией командного состава велись по специально разработанным программам. Проводились штабные игры, сборы офицеров, тактическая подготовка войск в полевых условиях, специальные учения по преодолению рек, совершению маршей. Боевой и политической учебе отводилось ежедневно до 10 часов. К 10 мая месячная программа обучения была закончена. В тот же день был получен приказ о продлении боевой учебы еще на две недели – до 25 мая».

– Ну, вот, опять учеба! Не успели закончить училище, как приспели КУКСы, потом подмосковный учебный лагерь, а теперь лесной. Будет ли конец учебе? Когда же на передовую? – ворчал наш дивизион.

Но командование знало, что делало. Генеральный штаб разрабатывал тогда грандиозную операцию в Белоруссии под названием «Багратион». Наша армия была участницей этой операции. Ей предстояло скрытно пройти 250–300 километров своим ходом к Минску, в пределы 3-го Белорусского фронта. Преодолеть это расстояние армия должна была в сжатые сроки – с 27 мая по 11 июня. Маршбросок совершен за 12 дней, и командование фронта отметило своим приказом, что «марш частей и соединений 11-й Гвардейской армии был организован и совершен образцово, войска своевременно вышли в указанный район сосредоточения».

Наш дивизион опять укрылся в лесу возле большого круглого озера. До нас это место облюбовали немцы и сделали его открытым складом артиллерийских боеприпасов. Сейчас снаряды различного калибра лежали в штабелях, как дрова, и ждали своего часа, когда у наших тылов дойдут до них руки. А мы использовали их в борьбе с комарами.

Близкое озеро давало пристанище мириадам комаров. Днем на солнце их нет, а чуть под вечер налетают полчища на все живое, набивались и в палатки, хотя они были наглухо закрытыми. Тут нам и пригодились снаряды, вернее порох из них. Порох походил на длинные во всю гильзу макароны. Берешь снаряд, осторожно выкручиваешь взрыватель, расшатываешь и вытаскиваешь из гильзы болванку.

– Кто сегодня дежурный по палате? Бери порох, выгоняй комаров! – звучит чей-то озабоченный командный голос.

Подчиняясь ему, дежурный берет две-три «макаронины», зажигает с одного конца, а на другой наступает носком сапога. Полога палатки откинуты. Ядовито-коричневый дым вырывается из макаронины, как из трубы, и комары с тревожным писком улепетывают из палатки. Дежурный старается не дышать, глаза вылезают на лоб от напряжения, но благо все происходит быстро. Через минуту он закрывает полога. Перед сном палатка проветривается, а комары в нее уже не залетают.

Стояла прекрасная летняя погода. Тихие вечера навевали романтику, воспоминания о доме, грусть о всем том, что так далеко. Мы, сбившись в кучки, много говорили о сокровенном, пели песни вполголоса. Оренбуржцы особенно любили погрустить с песней «Летят утки». Она брала за душу своей мелодичностью и нехитрым содержанием.

Владимир БАКАНОВ,
ветеран войны, член Союза писателей России. Из книги воспоминаний «Река нашей жизни».